
**К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ САМОБЫТНОГО
РУССКОГО ПОЭТА НИКОЛАЯ
МИХАЙЛОВИЧА РУБЦОВА (1936—1971)**

Николай Рубцов

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме,
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнушем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мелі.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей,—
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

ПОДОРОЖНИКИ

Тот да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники,
Потому что, плача и смеясь,
Все прошли бродяги и острожники —
Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики.
Для людей мечтают позвенеть,
Но цветов певучие бутончики
Разве что послушает медведь.

Разве что от кустика до кустика
По следам давно усопших душ
Я пойду, чтоб думами до Устюга
Погружаться в сказочную глушь.

Где мое приветили рождение
И трава молочная и мед,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха — это тоже самолет.

Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ до топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса!

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву,

И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батя!..

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы —
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
 в окрестностях
 России...

Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит это медленное ржанье,
И надо мной —
 бессмертных звезд Руси,
Высоких звезд покойное мерцанье...

В ГОРНИЦЕ МОЕЙ СВЕТЛО

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Рукой раздвинув
темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те —
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный
свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ

За годом год уносится навек,
Покою веют старческие нравы,—
На смертном ложе гаснет человек
В лучах довольства полного и славы!
К тому и шел! Страстей своей души
Боялся он, как буйного похмелья.
— Мои дела ужасно хороши! —
Хвалился с видом гордого веселья.
Последний день уносится навек...
Он слезы льет, он требует участия,
Но поздно понял, важный человек,
Что создал в жизни
ложный облик счастья!

Значенье слез, которым поздно течь,
Не передать — близка его могила,
И тем острее мстительная речь,
Которою душа заговорила...

Когда над ним, угаснувшим навек,
Хвалы и скорби голос раздавался,—
«Он умирал, как жалкий человек!» —
Подумал я и вдруг заволновался:
Мы по одной дороге ходим все.—
Так думал я.— Одно у нас начало,
Один конец. Одной земной красе
В нас поклоненье свято прозвучало!
Зачем же кто-то, ловок и остер,—
Простите мне — как зверь в часы охоты,
Так устремлен в одни свои заботы,
Что он толкает братьев и сестер!

Пускай всю жизнь душа меня ведет!
— Чтоб нас вести, на то рассудок нужен!
— Чтоб мы не стали холодны как лед,
Живой душе пускай рассудок служит!
В душе огонь — и воля, и любовь! —
И жалок тот, кто гонит эти страсти,
Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь,
В лучах довольства полного и власти!
— Как в трех соснах, блуждая и кружа,
Ты не сказал о разуме ни разу!
— Соединясь, рассудок и душа
Даруют нам светильник жизни — разум!

Когда-нибудь ужасной будет ночь,
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу улыбнулись...

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой,—
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти! На знобщем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Все мне слышится, словно в бреду.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

ГОСТЬ

Гость молчит,
и я — ни слова!

Только руки говорят.
По своим стаканам снова
Разливаем все подряд.

Красным,
белым
и зеленым

Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье — хоть женись!

Я молчу, я слышу пенье,
И в прокуренной груди
Снова слышу я волнение:
Что же, что же впереди?

Как же так —
скажи на милость!

В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?

Красным,
белым
и зеленым

Нагоняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели Бога нет?

ИДЕТ ПРОЦЕССИЯ

Идет процессия за гробом.
Долга дорога в полверсты.

На ветхом кладбище — сугробы
И в них увязшие кресты.

И длится, длится поневоле
Тяжелых мыслей череда,
И снова слышно, как над полем
Негромко стонут провода.

Трещат крещенские морозы.
Идет народ... Все глубже снег...
Все величавее березы...
Все ближе к месту человек.

Он в ласках мира, в бурях века
Достоин дожил до седин.
И вот... Хоронят человека...
— Снимите шапку, гражданин!

БЕССОНИЦА

Окно, светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омута.
Вот есть возможность отдохнуть.
Но как пустынна эта комната!

Мне странно кажется, что я
Среди отжившего, минувшего,
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего,

Что не под этим ли окном,
Под запыленной картиною
Меня навек затанет сном,
Как будто илом или тиною.

За мыслью мысль — какой-то бред,
За тенью тень — воспоминания,
Реальный звук, реальный свет
С трудом доходят до сознания.

И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости — испуг,
А вместо отдыха — мучение...

КРУЖУСЬ ЛИ Я

Кружусь ли я в Москве бурливой
С толпой знакомых и друзей,
Пойду ли к девушке красивой
И отдохну немного с ней,

Несусь ли в поезде курьерском
От всякой склоки и обид
И в настроенье самом мерзком
Ищу простой сердечный быт,

Засну ли я во тьме сарая,
Где сено есть и петухи.
Склоню ли голову, слагая
О жизни грустные стихи,

Ищу ль предмет для поклоненья
В науке старцев и старух,—
Нет, не найдет успокоенья
Во мне живущий адский дух!

Когда, бесчинствуя повсюду,
Смерть разобьет мою судьбу,
Тогда я горсткой пепла буду,
Но дух мой... вылетит в трубу!

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.

Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступая
— Бродяга. Наверное, вор...

Он шел. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Забылся, качнулся вперед...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрет.

Он умер, снегами отпетый...
А люди вели разговор
Все тот же, узнавши об этом:
— Бродяга. Наверное, вор.

СТАРИК

Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.

Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.

Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было все полно печали
Над этой старой головой.

Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на елку...
Наверно, трудно одному.

Когда, поеживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.

Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.

Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!

* * *

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в польньню
И напьюсь,
Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вот Есенин —
на ветру!

Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру,
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни

Новых русских деревенок?
Неужели
 в свой черед
Надо мною смерть нависнет,—
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?
Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом.
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей, во мгле заледенелой
Остановившись, смотрит в полденью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Владимир Корнилов
(г. Братск)

Постоянный автор «Приокских зорь». Член Союза писателей России

«РОССИЯ, РУСЬ! ХРАНИ СЕБЯ, ХРАНИ!...»

Рубцов Николай Михайлович (1936 — 1971)

Литературное повествование с использованием иллюстраций из критических статей русских писателей

Недавно праздниками поэзии встречала вся страна 120-летие со дня рождения Сергея Есенина и 135-летие со дня рождения Александра Блока. И вот сегодня отмечаем мы не менее знаменательное для нашей национальной российской культуры событие — юбилей замечательного русского поэта Николая Рубцова.

Свою статью-повествование о жизни и творчестве самобытного русского поэта, Николая Михайловича Рубцова, мне хочется начать с удивительных строк Сергея Викулова, характеризующих его самородную поэзию: «Талант — всегда чудо. И потому всегда неожиданен. Читая стихи Николая Рубцова,— пишет в предисловии к его книге «Избранное» Сергей Викулов,— невольно думаешь: как мог на этой скудной, в смысле культуры, почве, на невспаханном поле, да еще под затянувшееся ненастье вырасти и вызреть такой удивительный колос, каким предстает перед нами его поэзия... Жизнь, кажется, сделала все, чтобы убить зернышко его дарования еще до того, как оно даст росток».

Это могло бы не произойти, если бы не целеустремленная жизнестойкость и самобытный талант, которыми природа наделила с детства Николая Рубцова, помогая ему выстоять и однажды своей пронзительной поэзией, вобравшей все оттенки земных радостей и печалей, во весь голос заявить о себе.

Не очень-то благоволила к нему судьба с самого рождения. Вспомним горестные страницы биографии будущего поэта. Его отец Михаил Андриянович Рубцов родился в 1900 году в селе Самылково, под вологодским городком Соколом. Работал в сельпо. Здесь они с женой Александрой Михайловной обзавелись старшими дочерьми — Надеждой и Галиной. В тридцатые годы семья часто переезжает с места на место. В Емецке, где явился на свет Николай, Рубцов-старший руководил отделом рабочего снабжения здешнего леспромхоза. Затем семья переехала в Няндому, а потом в Вологду. Перед войной Михаил Андриянович был репрессирован, но через год выпущен на волю...

Едва Коле исполнилось пять лет, началась война. Отца призвали на фронт, с которого он так и не вернулся. А летом 1942 года он потерял мать: она тяжело заболела и умерла. Потрясенный смертью матери, Коля убежал в лес и пропадал там неделю. Когда вернулся, прочел сестре Галине стихи, в которых были такие строки:

*Но вот наступило большое несчастье —
Мама у нас умерла.
В детдом уезжают братишки родные,
Остались мы двое с сестрой.*

Наверное, этот неумелый поэтический опыт был для него первым, навеянный горестными событиями в судьбе мальчика. Позже, много лет спустя, помыкавшись на чужбине, вдали от родных мест и вспоминая пережитое со смертью матери горе, Рубцов напишет незаживающей в сердце болью щемящие строки стихотворения «Тихая моя родина»:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
...Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.
...С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Это жгучее чувство тоски по родному краю до последнего вздоха пронесет поэт в своем по-сиротски израненном сердце.

...Николай Рубцов родился 3 января 1936 года в поселке Емецк, в ста пятидесяти километрах от Архангельска. Оставшись после смерти матери круглым сиротой, 5-летний Коля Рубцов попал в детдом. Здесь, «в селе Никольском Тотемского района Вологодской области, стоящем на берегу реки Толшмы, правого притока Сухоны, среди диких лесов и болот и прошли его семь сиротских лет — с 1943 по 1950 год».

В 1950 году, окончив семилетнюю школу, Рубцов решил поступить в Риге в мореходное училище, о котором он с детства мечтал. «Но... «мореходка» «не приняла» юного романтика, потому как к тому времени ему не исполнилось еще пятнадцати лет». (С. Викулов).

Сочувствуя в этой ситуации юному Рубцову, нетрудно себе представить, какое безутешное для подростка горе пережил будущий поэт, когда в одночасье рухнула его заветная мечта. Об этом свидетельствует одно из его ранних, но горестных стихотворений:

*Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно*

*И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...*

(«Фиалки»)

«Вот он, одинокий, голодный, в «грязной фуфайке», свисающей с узеньких плеч бредет по насыпи мола, смотрит на корабли, стоящие на рейде,— такие близкие теперь, но по-прежнему недоступные. «Купите фиалки!» — плывет над волнами залива легкая игривая мелодия. Но не веселит она юношу. «Купите фиалки! Купите фиалки!» А у него на языке: «Купите фуфайку! Купите фуфайку!» Фуфайка — единственное, что он может продать, чтобы разжиться хотя бы кусочком хлеба. А ведь ему нужно раздобыть денег на обратный билет до Вологды. А от Вологды пароходом надо было добраться еще и до Тотьмы — своего райцентра, в котором, он знал, есть лесотехнический техникум» (С. Викулов). В Тотемском лесотехникуме Николай проучился около двух лет.

«В Тотьме, когда учился Рубцов в Лесном техникуме,— вспоминает его друг Сергей Багров в своей книге «Детские годы Коли Рубцова»,— он всегда и во всем норовил быть лишь первым. Где он только себя не испытывал. На стадионе среди футболистов он торопился забить поскорее собственный гол... В аудиториях, на переменах среди всевозможных затей пользовалась успехом обычная схватка порусски, когда выяснялось, кто был сильнее, и двое бойцов, жестоко обнявшись, пытались свалить друг друга... В пылу своих первых побед он был готов померяться ловкостью с каждым из всех тридцати обучавшихся в группе ребят... В те подростковые годы Коля не ведал, что самые крупные схватки его — впереди и пройдут они полем Поэзии...

Однажды, осенней порой 1950 года,— продолжает Багров,— Николай Рубцов стоял на крыльце нашего деревянного дома и, глядя на ропшущий в шепоте чутких черемух Кореповский ров, на резвых козлят во дворе, на скамейку под окнами и белешую дорогу, по которой тащился гнедок, везя на телеге бочку с возницей, взволнованно говорил:

— Как много здесь русского! Как я люблю эту местность! Откуда все это? И для кого? Ты не знаешь?

— Не знаю,— ответил я.

— Значит, мне предстоит узнать: почему все это так сильно действует на меня».

Сохранилась переписка поэта с Сергеем Багровым много лет спустя после их совместной учебы в лесном техникуме, опубликованная в книге Николая Рубцова

«Видения на холме», указывающая на их долгую творческую дружбу. Приведу одно из его более поздних писем.

С. П. Багрову.

Август 1964 года

«Сережа, милый!.. Я очень был рад твоему приезду. Спасибо тебе, что «наш двор уединенный, пустынным снегом занесенный, твой колокольчик огласил!» (Пушкин).

Вышел 8-й номер «Октября». Там есть и мои стихи. Я уже их читал. А ты не читал? Посмотри, если найдешь как-нибудь минуту свободного времени. Сядь в кресло, закури сигару и почитай их помаленьку, балагура о том о сем.

...Ну, будь здоров! До свидания, Сережа. Пиши. Буду ждать».

Н. Рубцов.

...Но мечта о море не давала юному Рубцову покоя. В архангельском траловом флоте, куда Николай обратился после Тотемского лесотехникума, его определили угольщиком (подручным кочегара) на старый тральщик РТ-20, который бороздил моря уже более 30 лет. Но Николай с радостью воспринял это предложение. В одном из своих стихотворений он с гордостью и присущим только ему светлым юмором напишет об этом:

*Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!
...Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал,
Чтоб для отважных вечно — море,
А для уставших — свой причал...*

«Команда тральщика состояла из отъявленных бичей,— рассказывает в своих воспоминаниях о Рубцове известный на Севере мореход А. П. Шильников. — В море работают, как черти, но ступят на берег — не вытащишь из кабаков. Ловили треску в Баренцевом море, рейс длился полмесяца, потом три дня в порту. Хватил я лиха с этим народом».

Так впервые в жизни побратался Николай Рубцов с морем и его тружениками — рыбаками, с их полными не только романтики, но и риска трудовыми буднями, совершенно особым бытом, традициями и обычаями. И он рисует их такими, какие они есть:

*Душа матроса в городе родном
Сперва блуждает, будто бы в тумане:
Куда пойти в бушлате выходном,
Со всей тоской, с получкою в кармане?..*

(«Возвращение из рейса»)

В 1955 году Николая Рубцова призвали в служить в Морфлот на эскадренный миноносец — мощный, красивый современный по тем временам корабль, который на долгих четыре года стал для него родным домом. *«Жизнь, как река после весеннего половодья, вошла наконец в берега. Вместе со строгим воинским уставом, боевой учебкой пришли надежность и обеспеченность быта, чего он не знал, по сути с 1949 года.. И не случайно сослуживцы запомнили матроса Рубцова и веселым, и общительным. Запомнились им не только улыбка его, но и неразлучная с ним гармонь: играть на гармонии он научился еще в детдоме...»* (С. Викулов).

Не бросает Николай писать стихи и на корабле. Но в них угадываются не столько самородные рубцовские интонации, сколько пробужденное в молодом поэте желание печататься. И он вскоре достигает цели: стихи его появляются в газете «На страже Заполярья». В годы военной службы (1958—1959 гг.) его стихи выходят в сборнике «На страже родины любимой», в альманахе «Полярное сияние».

...Приближался день демобилизации. Николай Рубцов все чаще озабоченно думает о предстоящем выходе «на гражданку», о выборе единственно правильного жизненного пути, который наполнит его жизнь глубоким смыслом.

Сохранилось письмо, посланное им в те дни одному из самых близких друзей — Валентину Сафонову... «Скажу только, что все чаще задумываюсь, каким делом заняться в жизни. Ни черта не могу придумать! Неужели всю жизнь придется делать то, что подскажет обстановка? Но ведь только дохлая рыба (как гласит народная мудрость) плывет по течению».

Демобилизовавшись осенью 1959 года, Николай Рубцов решает ехать в Ленинград. Там поэты, журналы, издательства... Но где он будет там работать и жить? Однако махнул на все рукой — поехал... Помыкавшись какое-то время, он поступил работать кочегаром на знаменитый Кировский завод за Нарвской заставой. Вот как об этом пишет сам поэт в стихотворении «В кочегарке»).

Пожилой кочегар, заметив робко открывшего дверь новичка,

*...Бросил лом, платком утерся.
На меня глаза скосил:
— А тельняшка — что, для форсу? —
Иронически спросил.
Я смеюсь: — По мне для носки
Лучше вещи нету, факт!
— Флотский, значит?
— Значит, флотский.
— Что ж, неплохо, коли так!
Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, — произнес.
И лопату, как награду,
Мне вручил: — Бери, матрос!*

Кочегарка и копровый цех, где Рубцову пришлось работать шихтовщиком, физически не сломили в нем поставленной высокой цели. Вскоре находит он дорогу и в заводское литобъединение, а через него — и в редакцию многотиражки, где появляются его стихи на страницах этой газеты, а осенью 1961 года и в сборнике «Первая плавка», составленном из стихов поэтов-рабочих Кировского завода.

Но рамки заводского литобъединения для него были узки. И потому он посещал одновременно более солидное литобъединение «Нарвская застава», которое давало выход уже не и на большие литературные вечера, и в журналы.

«На занятиях литобъединения Николай Рубцов слышал не одни похвалы. Его критиковали за «отрыв от жизни» (мало, дескать, стихов о рабочем классе), но в то же время кружковцы, видимо, догадывались, что перед ними поэт настоящий, поэт «милостью божьей».

Узнав, что у него лишь семилетнее образование, руководители литобъединений настойчиво советовали ему учиться, может быть, даже в литературном институте... «Хорошо бы», — думал Николай. Но для этого надо было закончить десятилетку. В 25—26 лет садиться снова за парту, а потом, почти в тридцать, поступать в литературный институт?.. Нет, это для него не подходило». (С. Викулов).

И он, наверстывая упущенное время, сдает экзамены за десятилетку экстерном. На творческий конкурс литинститута Николай Рубцов представил самодельную книжку «Волны и скалы». В нее вошли тридцать восемь стихотворений. Пройдя успешно творческий конкурс и став студентом Литературного института им. А. М. Горького, он ждал на занятиях и семинарах не школярских разговоров о ямбах и хореех, а откровений о жизни, о душе человеческой... И неудивительно, что ему, уже сформировавшемуся поэту с самобытным талантом, скоро стало просто скучно отсиживать часы в зачастую, полупустых аудиториях. Зато, по рассказам близких друзей-поэтов Анатолия Передреева, Станислава Куняева, Владимира Соколова, которые в то время во многом повлияли на Рубцова, «читал он запоем, нередко ночи напролет... А то, совсем неожиданно, уезжал куда-нибудь — чаще в село Никольское, где прошло его детство».

Чувство кровного родства с малой родиной никогда не покидало поэта. Какой теплотой и светлой грустью веют на нас строки его стихотворения «Подорожники»:

*Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса...
Где мое приветили рождение
И трава молочная, и мед,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха — это тоже самолет.
Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ да топ от кустика до кустика —
Неплохая в жизни полоса!*

«В 1964 году в творчестве Рубцова,— пишет во вступительной статье к его книге в серии «Поэтическая Россия», известный критик и литературовед Вадим Кожинов,— наступает решительный перелом. В августе в журнале «Октябрь» были напечатаны пять его стихотворений, которые не только по-настоящему ввели его в литературу, но и бесспорно свидетельствовали, что Николай Рубцов — один из самых многообещающих поэтов... В те годы мы часто с ним встречались. Он был безгранично предан поэзии. Читал Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Есенина с такой страстью и самозабвением, что их ритмические речи представляли как реальные события его собственной жизни, как его глубочайшие радости и страдания. А когда Николай Рубцов пел свои стихи «В горнице моей светло...», «Я уеду из этой деревни...», «Потонула во тьме отдаленная пристань...» — то рождалось ощущение, что звучат не стихи, а вдруг вырвавшаяся из недр жизни стихия».

...Знакомясь глубже с биографией Николая Рубцова и со статьями современников об его творчестве, мы видим, что он был далеко не простым человеком. «В нем уживались самые, казалось бы, несовместимые черты — кротость, доброта, сострадание, острая тревога — и неожиданно появившиеся на его челе и в глазах угрюмость и следы гнева, вызванные малейшей социальной несправедливостью. Правда, тяжелые и темные свойства его души по-настоящему развязывало вино». (В. Кожинов). И Станислав Куняев в стихотворении «Памяти поэта» не скрывает от нас эту сторону его натуры:

*Он был поэт, как критики твердят,
Его стихи лучились добрым светом,
Но тот, кто проникал в тяжелый взгляд,
Тот мог по праву усомниться в этом...
В его прищуре открывалась мне
Печаль по бесконечному раздолью,
По безнадежно брошенной земле,
Ну, словом, все, что мы зовем любовью.*

В самом деле: любовь, вероятно, немыслима без тревоги, горечи, беспокойства, о котором говорится и в приведенных стихах. К сожалению, в любви поэт не был счастлив. Женщина, которую любил он самой пылкой и нежной любовью, не дождалась его, пока он скитался по морям...

«Не каждая способна связать свою судьбу с человеком, душу которого постоянно сжигает творческий непокой...» (В. Кожин).

Не сложилась его семейная жизнь и с другой женщиной, подарившей ему дочь... Об этом свидетельствует «Прощальная песня», а вернее, песня разрыва его с семьей:

*...Мы с тобою как разные птицы,
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...
Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.
Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она!*

Поэт ни в чем не упрекает женщину, но просит в свою очередь, понять и его. Кто ж виноват, что они оказались «разными птицами»: разные одно гнездо не выют...

«Николай Рубцов жил трудно, даже мучительно трудно,— далее вспоминает Владимир Кожин.— Я говорю об его внутренней, духовной жизни, хотя и внешние условия его быта складывались нелегко. В 1964 году за ряд прегрешений он был переведен на заочное отделение литинститута, что означало для него потерю постоянного пристанища и средств к существованию — пусть и очень скромных, но регулярно получаемых».

«Николай был непрост в общении,— рассказывает в своих воспоминаниях проректор Литературного института по научной и учебной работе, критик Александр Михайлов.— Это знают бывшие студенты, учившиеся с ним, и его товарищи вологоджане, он сам страдал от этого, искренне раскаивался в своих проступках, снова срывался. И надо было много терпения и такта, чтобы помочь ему хотя бы удержаться в институте, не попасть в какую-нибудь скандальную историю».

Уже после защиты дипломной работы Николай Рубцов, повинясь за свое, не всегда предсказуемое, поведение, скажет Михайлову:

— Вы уж меня простите за мои художества... Много я вам хлопот доставил... А институт всегда добром вспоминать буду...»

К 1964 году у него установилась связь с Вологодской писательской организацией, которая пригласила Рубцова, как земляка, на очередной семинар молодых писателей. Его стихи на этом семинаре были высоко оценены и рекомендованы Северо-Западному издательству г. Архангельска. Через год в издательстве Архангельска вышла его тоненькая книжка. Однако такая долгожданная, она едва ли обрадовала 29-летнего автора: ибо не давала представления о действительных возможностях его таланта.

Через два года, пренебрегая чрезмерной осторожностью архангельских издателей, в 1967 году по инициативе известного русского поэта Егора Исаева была издана книга Николая Рубцова «Звезда полей», вышедшая в Москве, в «Советском писателе», которая сразу поставила его в первый ряд современной поэзии, хотя это понимали тогда немногие... Произвела книга Рубцова впечатление и на архангельское издательство, и оно, как бы реабилитируя свое назначение перед литературной общественностью, выпускает вторую, значительно более объемную книгу земляка «Душа

хранит» (1969). В следующем году эти три сборника дополнит и четвертый («Сосен шум»), выпущенный снова «Советским писателем» и готовится к изданию его итоговый сборник «Зеленые цветы», вышедший в свет, увы, уже после гибели поэта... Книги Рубцова вызвали в то время ряд очень сочувственных, подчас даже восторженных откликов в критике. Его признание постоянно росло и расширялось. Кроме того, он, наконец, обрел свой дом в столице его родной вологодской земли. Николая поддерживали здесь друзья и соратники по литературе — Виктор Астафьев и Василий Белов, Виктор Коротаяев и Александр Романов.

Зрелые стихотворения Николая Рубцова отмечены печатью подлинной народности и человечности. В ней как бы говорят сами народ, история, природа. Их естественные «голоса» звучат в голосе поэта иногда с заливчатской удалью — и тогда картины деревенской жизни празднично встают перед глазами читателей, выливаясь у него в прекрасные — восторженные и грустные одновременно — строки:

*Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил.
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую женщину, как знамя, в руках пронесил!
И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...*

(«Я буду скакать по холмам...»)

Либо в голосе поэта нарастает тревога за будущее России и не дает его неуемному сердцу покоя, — и тогда она набатом звучит в его душе, предостерегая о грядущей опасности потомков. Как это мы видим в стихотворении «Видения на холме»:

*Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснет в глаза кривым ножом монгола!
.....
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России...*

Николай Рубцов велик, прежде всего, пронизательным видением жизни русского народа, и это подтверждается сейчас на примере обездоленных нищетой стариков и детей, на фактах бездуховности современных чиновников по отношению к простым людям, к родной природе, Отечеству, русской истории...

Неподдельна и самобытна также и другая черта поэзии Николая Рубцова — ее человечность. Он не умиляется со стороны другим человеком, а дает ему войти в стих с его собственной правдой. Иллюстрацией тому служат стихи «Русский огонек», «На ночлеге», «Добрый Филя», и мн. др. Например:

*Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...
Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.
Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?*

(«Добрый Филя»)

Замечательны стихи Рубцова о животных и птицах... Наделяя их людскими чертами характера, он воспроизводит всю гамму человеческих чувств в разных жизненных ситуациях, случающихся с этими бессловесными «героями»,— от ложной стыдливости, как это показано в стихотворении «Коза»:

*Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
— Как не стыдно тебе, егоза? —
И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород.*

Или воспроизводит перед нами трагические картины жизни этих героев, требующих нашего сочувствия, а иногда и человеческого участия, как звучит это в стихотворениях «Вечернее происшествие», «Журавли» и в цикле детских стихов, таких как «Ласточка», «Воробей», «Ворона», «Медведь» и др.

Какой пронзительной интонацией и болью наполнены строки стихотворения «Ласточка», где поэт вместе с горестной пичугой оплакивает нелепую гибель ее несмышленьша-птенеца. Такие стихи невозможно читать без слез сострадания. Это так близко людским чувствам, особенно материнским и отцовским.

*Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.
Взял я осколок металла,
Вырыл могилу птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.
Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?*

«Николай Рубцов принадлежал к тому поколению людей, в детских душах которых тяжелым и грозным эхом отозвалась война. Сиротство, голод, холод, тоска по родительской ласке, по домашнему уюту; потом скитания по стране, тяжелая работа наравне со взрослыми — все это пришлось пережить Николаю Рубцову. В таких условиях душа человека или глохнет совсем и превращается в камень, или становится болезненно чувствительной к чужому горю и страданиям» (В. Кожин), как видим мы это из строк выше названного стихотворения «Ласточка».

Что касается обустроенности быта Николая Рубцова, то, начиная с семилетнего возраста и почти до самой гибели, он не знал, что такое отдельная комната, а тем более кабинет с письменным столом и книжными полками; общая комната в детдоме; тесная каюта на четверых на корабле; и снова общая комната в рабочем общежитии; а потом — крестьянская избенка с тремя подслеповатыми оконцами по фасаду; и лишь незадолго до смерти — однокомнатная квартира в Вологде, не успевшая стать его рабочим кабинетом. Но внешние обстоятельства жизни не имели для Николая Рубцова существенного значения и, конечно, не смогли снять или хотя бы ослабить противоречия, часто овладевавшие его душой. И нет сомнения, что гибель его не была случайной. В целом ряде стихотворений с полной ясностью выразилось доступное немногим истинным поэтам, остро ощущающим ритм своего бытия, предчувствие близкой смерти. Он даже точно предсказал это в стихотворении:

*Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы...*

В морозную крещенскую ночь, 19 января 1971 года Николай Рубцов во время тяжелой ссоры был убит женщиной, которую собирался назвать женой.

Похоронили его на новом кладбище за городской чертой. Позже по ходатайству писателей и общественных организаций именем Николая Рубцова была названа улица в Вологде. Она такая же короткая, как и его жизнь. Одним концом упирается в улицу Гоголя — любимого писателя Николая Михайловича, — другим она выходит на реку Вологду и белокаменный храм Софии.

В родном городе Тотме имя Николая Рубцова присвоено районной библиотеке, а на берегу Сухоны в честь него разбит парк и стараниями талантливого скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, воздвигнут памятник поэту.

Давая оценку творчеству Рубцова, Вадим Кожин писал: «Неоспоримый признак истинной поэзии — ее способность вызывать ощущение самородности, нерукотворности стиха... Лучшие стихи Николая Рубцова и обладают этим редким свойством...».

*Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
...Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеют душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...*

(«Журавли»)

Кажется нам и сегодня, по прошествии многих лет со дня написания Николаем Рубцовым этих замечательных по своей пронзительной интонации стихов, что они всегда существовали в природе до определенной поры, и только однажды поэт смог извлечь из всей разноголосицы окружающего мира те, единственные, слова, которые и вылились в неповторимые по состоянию его души на тот час строки.

Не менее высоко отозвался о поэзии Рубцова и Виктор Коротаяев. В предисловии к его книге «Видения на холме» он писал: «Воистину о нем сказаны бессмертные слова: «...Он знал одной лишь думы власть — одну — но пламенную страсть».

Уже сегодня можно с уверенностью сказать, что имя поэта прочно вошло в народное сознание. Поэтому так велик у людей интерес к поэзии Рубцова: ибо «в ней всегда присутствует обаяние неповторимой личности, жизнелюбие молодости, чистота и свет истинно русского таланта». (В. Коротаяев).

Подтверждением тому служит большинство его удивительных по средствам художественной выразительности и пронзительной правде стихотворений, воспевающих не только самозабвенную любовь к малой родине с ее неповторимыми северными пейзажами и населяющими ее издревле самобытными по своей исконной сути людьми, но и много других стихотворений, иронически тонко подчеркивающих на протяжении всей жизни поэта его абсолютное равнодушие к неустроенности своего быта и досуга. Одним из таких ярких иронических стихотворений Николая Рубцова и является «Элегия», искромётные строки которого знает, наверное, каждый из почитателей его таланта:

*Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.
Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.
Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.
Стукну по карману — не звенит.
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

Прочитав уже после смерти поэта эти веселые строки и представив на миг за семь тысяч верст от нас воспетое в песнях: «...самое синее в мире — Черное море мое...» с его перенаселенными, как сельди в бочке, лоснящимися от экзотичного загара отдыхающими, освежающимися дорогими искромётными напитками и дуновением прохладных зеленоватых волн — и тут же осмотрев свой скудный кошелек с полученными отпускными за год работы на Севере, я так же иронично улыбнулся и, охолонувшись жарким июльским полднем в нашем бирюзово-мглистом рукотворном море, уже без снedaемой меня жажды к Югу, написал стихи, посвященные памяти Николая Рубцова, которыми и закончу свою статью-повествование о Великом русском поэте:

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

*Стукну по карману — не звенит,
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать.*

«Элегия» (Н. Рубцов)

Не слагал он гимн червонцам.
Что поэту кошелек?!
В Ялте денег тех под солнцем
На неделю — крайний срок...

Не искал он праздной лени,
Счастья купленных минут:
Их дороже край олений,
Край, где радуги цветут.

Где на солнечных полянах
Паучок, забравшись в тень,
Из серебряных туманов
Тянет нить в осенний день...

В те края не за калымом
Средь седых полярных мхов
Брел поэт, пропахший дымом
И охрипший от стихов.

Там, в избушке, у оконца,
Когда день лучи гасил,
Он писал стихи о солнце,
Пел о северной Руси...

ЕМЕЦК, Архангельская обл. Дом, где родился Николай Рубцов

Памятник Николаю Рубцову в Тотъме — родном городе поэта, воздвигнутый архитектором Клыкковым Вячеславом Михайловичем

Александр Гугнин
(г. Новополоцк, Белоруссия)

Гугнин Александр Александрович родился в 1941 в Москве. Окончил филологический факультет МГУ, аспирантуру. С 1999 профессор. Автор свыше 500 научных и литературно-критических публикаций по немецкой, швейцарской, серболужицкой и другим литературам. Издал более 10-ти книг, из них — три сборника поэзии. Заведующий кафедрой мировой литературы и культурологии УО «Полоцкий государственный университет». Ответственный редактор литературоведческих сборников и журналов: «Проблемы истории литературы», «Белорусская литература и мировой литературный процесс», «Вестник ПГУ». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Живет в Новополоцке.

СТОРОЖКА

*Памяти Николая Рубцова
(1936 — 1971)*

На обочине дорожки,
заблудившейся у речки,
притулилася сторожка —
так невзрачна, так беспечна!

Барабанил дождь по крыше,
снег сквозь щели задувало,
грызли пол лесные мыши —
только ей и горя мало!

Но дымок над лесом вился,
дверь приветливо скрипела,
если кто-то заблудился
или так зашел, без дела.

И росой умывшись в солнце,
утром гостя провожала...
Кто теперь о ней уж вспомнит?
Да и ей-то горя мало!..

Сергей Лебедев
(г.Тольятти)

НА ВАРНАВИНСКОЙ ЗЕМЛЕ
(О поездке русского поэта Николая Рубцова
в Нижегородскую область)

Лебедев Сергей Александрович, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Лауреат-победитель 4-го, 5-го и 6-го Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2013, 2014, 2015» им. Н. Рубцова. Член Самарской региональной организации РСПЛ, тольяттинского отделения СПР.

В лесном нижегородском Заволжье нет более привлекательного места для заядлых охотников, рыбаков и грибников, чем Варнавинский район. Почти семьдесят процентов территории района покрыто лесом, поистине первозданным, а с севера на юг территорию района пересекает удивительная по красоте река Ветлуга с многочисленными старицами и озерами.

Варнавинская земля — край до щемящего чувства причастности родной мне не только по художественной и публицистической литературе. Лесные места около реки Ветлуги в Нижегородской области — прародина моих предков, родина моих родителей.

Поветлужье всегда привлекало писателей, исследователей, краеведов. И не только красотами своих лесов, таинственно заросшими кубышкой озерами, но и давней историей этих мест, уходящей в пятнадцатый век. Тогда, в 1464 году на границе между Московским и Казанским государствами, в пустынных ветлужских лесах, где не было жилья, основал на берегу Ветлуги свой скит великоустюжский иерей преподобный отец Варнава. К началу шестнадцатого века скит становится Варнавинским монастырем. И долгое время, начиная с семнадцатого века, читалось в варнавинских храмах «Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского», которому поклонялись все Поветлужье. Совершались молебны в конце июня, в ночь на Годину Варнавы. Устой этот сохранялся до 1917 года.

Первозданность ветлужских мест, великолепные картины природы нашли свое отражение в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах». Бывали в дремучих лесах Поветлужья и М. Е. Салтыков-Щедрин, и В. Г. Короленко, и М. М. Пришвин. В рассказе «Година Варнавы» у М. М. Пришвина читаю: «Сажу на высоком берегу в ожидании парохода. Вспоминаю полузабытый роман о заволжских лесах. Помню, купец Потап Максимыч, похожий на древнего русского князя, управляет лесными людьми, стелет им столы в торжественные дни и даже пляшет вместе с подданными, когда подвыпьет. Край нетронутый. Люди делают деревянные ложки, продают их, пьют, поют и пляшут. Кондовая Русь!»

В конце июня 1969 года на варнавинской земле побывал, уже став известным, поэт Николай Рубцов. Пригласил его на празднование Годины Варнавы товарищ по литературному институту, работавший в то время корреспондентом варнавинской

районной газеты «Новый путь» Александр Сизов, ставший в дальнейшем известным в Нижегородской области прозаиком, членом Союза писателей СССР.

Путь в Варнавино от железнодорожной станции города Ветлужский лежит через деревни с исконно русскими названиями — Желтовка, Чемашиха, Демидово... Шоссейная дорога между деревнями ведет с горки на горку, автобус, на котором ехал Николай Рубцов, то весело несется вниз, то, натружено гудя, преодолевает подъем. Подушкинскую гору еле одолели, автобус из последних сил визжал, а порой и рычал. Подъезжая к Варнавину, Николай заметил, как справа блеснула река. Сердцем Рубцов понял, что это — Ветлуга. В дороге он не ощутил, как прошел час с небольшим. Из Ульяновского оврага влетели в Варнавино.

И вот как пишет о встрече с поэтом в Варнавино сам А. Сизов в очерке «По лесам в окрестностях Ветлуги»: «Я пригласил Николая Рубцова, товарища по Литинституту, приехать в Варнавин именно на этот праздник (Година Варнавы — авт.) И вот — какая же радость! — иду по улице Продотрядников, вдруг из боковой двери почты, как птенец из гнезда, вываливается вроде бы чем-то напуганный Николай Рубцов. Взъерошен и небрит, одет не по погоде в рыжую замшевую куртку, изрядно, до глянцевого блеска затертую. В руках чемоданчик, какими пользовались тогда демобилизованные солдаты или пэтэушники.

— Это ты?! — искренне удивился он. — Вот хорошо. А то как бы я тебя тут нашел, в такой толпе?

— А что ты на почте делал?

— Да вот, — сконфуженно потрогал щетину на щеках, точно прикрывал ее, — в поезде побриться не успел, с автобуса сошел — а тут такая гулянка. Вот и пошел на почту, розетка там наверняка есть. А почта и закрыта.

— Ничего. Походишь и небритым. Все равно тебя здесь никто не знает.

— Да нет, Саша! — цокнул языком и качнул головой. Поглядел на помятые в дороге брюки и вроде бы еще больше устыдился своего вида. — Надо бы где-то привести себя в порядок.

Проходили мимо веселые нарядно одетые люди, оглядывались на него, а он, неприкаянно парясь в своей засаленной куртке, нервно и беспокойно ощущал эти взгляды. Видно, очень устал. Большой лысый череп, перевитый вздувшимися жилами, покрылся испариной. Остро, напряженно глядят темные глаза. Добрые и бесконечно ласковые в светлые минуты, они всегда мне напоминали, когда он злился, рассерженных шмелей, готовых не на шутку укусить, ужалить. Сильные, говорящие глаза!..»

Друзья сразу же поехали в деревню Ляпуново, где жил Александр. Через прохладные сени избы Сизов провел Николая в небольшую дверь, и они очутились в чулане-светелке с маленьким оконцем, через которое была видна деревенская улица. Железная односпальная кровать, возле оконца небольшой столик, табуретка. Здесь и поселился на все время пребывания на ветлужской земле Николай Рубцов. В Ляпуново друзья немного задержались, хотя Александр наметил показать Рубцову Ветлугу, свозить в деревню Ляленку, Бархатиху. Как потом дружелюбно смеялись сотрудники редакции газеты «Новый путь»: «Собираются в Бархатиху, на Лялину гору, да поездку со дня на день откладывают, — гудят ребята».

Наконец, отчалил «Омик» от пристани Варнавино и понес друзей по светлой глади Ветлуги к левому берегу в тайболу — в обширные сплошные леса, непроходимую исконную глушь, в деревню Ляленка. Александр Сизов вспоминал: «Там, в лесной деревеньке Ляленке у моего хорошего знакомого, инвалида войны Сергея Петровича Вылекжанина, воевавшего, кстати, в одной роте с поэтом Николаем Грибачевым, куплена маленькая избушка и поставлены на огороде улья. Туда мы и едем. Сосно-

вые счалы (связки плотов — авт.) вдоль берега, шлепанье вальков. Десяток домиков, затерявшихся за старыми березами,— пристань Нижник. Тут нам и сходить».

На следующий день отправились пешком через сосновые леса в деревню Бархатиха. Поэт чувствовал, что его окружает какая-то особая обстановка — душа его отдыхала в сосновом бору. В деревню вела среди розового многостволья высоких сосен прямая, полузаросшая травой дорога. Может быть, тогда и родились у поэта строки о шуме сосен, когда проходили они через эти глубокие леса. «В низинах тошно пахло таволгой, сырой ольхой. На дне лесных овражков — ключи. Тут было сумрачно и глухо. В просторных же, поросших ландышем и толокнянкой борях, напротив, много света. Только вершины сосен глухо и неуспокоенно шумят, кажется, там, наверху, гуляет и тешится океанский шторм, а мы здесь, внизу, на дне океана.

*Подует ветер!
Сосен темный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят.*

Не знаю, приходили ли тогда на ум эти строки поэту, идущему сейчас рядом теплой колеей. Проносились в сторону недалних липовых урем (урема — лес на берегу речки — авт.) пчелы либо осы, и он провожал их пулевые посвисты тревожным взглядом. Срывал твердые оранжевые, похожие на апельсинчики, ягоды ландыша и собирал их в горсть. Поднимал палец и останавливался — чу!.. Где-то в глубине леса тосковала желна. Кажется, его глубоко волновал этот вдовый клик лесной жалобницы».

А мне вспоминаются лирические строки поэта из стихотворения «Старая дорога» о мыслях, которые возникают на таких лесных или полевых дорогах обо всех прошедших по ним и оставивших русский дух на земле:

*Но этот дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...*

А в деревне Ляленка и произошла незабываемая встреча для Николая Рубцова, которая послужила поводом к созданию поэтического переложения услышанной лесной легенды от деревенской жительницы. «В одной избе еще жила неприметная старушка, и мы... поселились у нее. Высылся над деревней угрюмый, поросший лесом бугор.

— Лялина гора! — показывала темным перстом старушка.— Клады Лялины там по сею пору в землянке лежат.

— Какие клады, бабушка?

— Погоди, расскажу.

И услышали мы красивую лесную сказку о Ляле-разбойнике и его кладах, о лесной девке и прекрасной княгине Лапшангской, о молодом атамане Бархотке.

Коля загорелся сразу. Он даже не стал старушку дослушивать.

— Я обещаю тебе, Саша, напишу об этом. Только по-своему.— Ты посмотри, тут и местность как обозначена: речка Ляленка, деревня Бархатиха.

— А самая распространенная фамилия — Шалухины.

— Это уже не так важно...

Что же было важно?..

*Мне о том рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе.*

Это из его «Лесной сказки», которую довелось прочитать — увы! — уже после гибели поэта».

Всего несколько дней провел Николай Рубцов на ветлужской земле: рыбачил на Ветлуге, ходил по грибы, помогал старушке, рассказавшей ему народную легенду — обкосил межи на огороде. Вечерами ходил в одиночестве по деревне и, как обычно, наговаривал стихи, в которые он по обыкновению обязательно сначала вслушивался, складывая поэтические строки.

*Уже деревня вся в тени.
В тени сады ее и крыши.
Но ты взгляни чуть-чуть повыше —
Как ярко там горят огни!
Одна у нас в деревне мгlistой
Соседка древняя жива,
И на лице ее земlistом
Растет какая-то трава.
И все ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вьихнут все огни эфира,
И льется в душу свет с небес,
Когда деревня вся в тени,
И бабка спит, и над прудами
Шевелит ветер лопухами,
И мы с тобой совсем одни!*

И, конечно, были разговоры и споры о поэзии с Александром Сизовым, который с особенным трепетом вспоминал об этом: «Однажды дело дошло до такого «серьезного» разговора. Расспорились о поэзии. Я говорил, что и в литературе существует прогресс. В развитии формы: рифм, метафор, интонаций и т. д. Дескать, в пушкинские времена уже не писали так архаично и «неуклюже», как, скажем, Сумароков или Херасков. И во времена Блока или Пастернака напиши «под Пушкина» — тоже будешь архаичен. Вот когда глаза Рубцова засверкали антрацитовым огнем, вот когда он по-настоящему вспылал: — «До Пушкина, до Пушкина!» — передразнил меня.— А Державин?

— А что — Державин?

— Лучше и не раздражай! Ты послушай, как писал: «Где стол был яств, там гроб стоит». Сильно?..

— Да ведь не пишем же мы теперь гекзаметром!..

Махал рукой, подчеркивая бесполезность спора.

— Все равно лучше Гомера никто не писал. Когда-нибудь ты его поймешь.

Понял, вся его поэзия убедила: духовность стиха — первейшее дело, форма может оставаться и консервативной».

Да, пожалуй, все-таки самое главное, что осталось в памяти Николая Рубцова от поездки в варнавинский край — лесная сказка «Разбойник Ляля», рассказанная ему деревенской старушкой.

О том, что варнавинская задумка была воплощена поэтом через два месяца после поездки, читаю в книге «Николай Рубцов: «Звезда полей горит не угасая...», написанной писателем, поэтом и биографом Юрием Кириенко-Малюгиным: «В августе — начале сентября 1969 года Рубцов живет у своего друга, известного писателя В. И. Белова в деревне Тимониха Вологодской области и на основе Варнавинской легенды создает лесную сказку «Разбойник Ляля». В этом произведении Николай Рубцов глубоко раскрывает психологию взаимоотношений действующих лиц. Эта была уже новая грань поэзии. Видно, что Рубцов владеет приемами драматургии. И главное: автор в этом произведении показал, что погоня за златом или попытка не сдержать данное слово оборачивается трагедией для персонажей».

*Вот о чем рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе,*

*Где навек почил он за оградой,
Под крестом, сколоченным устало...
Но грустить особенно не надо,
На земле не то еще бывало.*

